

Цзун Янь лежал на крыше и смотрел в небо.

Это была обычная, покрытая цементом крыша. Приглядевшись, можно было заметить случайные шероховатости там, где цемент был плохо сглажен.

Летним вечером жаркая температура немного снизилась. Разница температур воздуха естественным образом образовала прохладный бриз.

Многие пожилые люди выращивали овощи на крыше их многоквартирного дома. Для сооружений грядок они использовали собранные деревянные доски, засыпали их землей и каждый месяц собирали кучу грязи с берегов реки Хуанпу в качестве удобрения. Почти у каждого старика был свой небольшой участок, их овощные посевы процветали благодаря добавленным искусственным удобрениям.

Так поступали не только пожилые люди — вся китайская нация имела сумасшедшее пристрастие к фермерству. Где бы они ни оказались, они заводили небольшие овощные грядки. Многие старики многоквартирного дома были выходцами из сельской местности. Позже, потеряв свою землю, в качестве утешения они решили выращивать овощи.

Конечно, Цзун Янь не стал бы лежать на засаженной почве. Чтобы добраться до небольшой платформы на крыше, он с обезьяньей проворностью вскарабкался на бамбуковый шест.

На вершине этой небольшой платформы был установлен единственный в здании солнечный водонагреватель. Цзун Янь обошел водонагреватель и плашмя лег, скрестив при этом ноги. Во рту он держал щетинницу*.

(*В Китае ее называют Травой Собачьего Хвоста).

Небо начало темнеть.

Вид перед ним перестал существовать с тех пор, как он начал ходить в старшую школу.

Он очень хорошо помнил, что, когда он учился на третьем году средней школы, участок земли за многоквартирным домом был приобретен компанией по недвижимости. Машины для сноса грохотали в течение месяца. К летним каникулам перед началом старшей школы, здание было уже втрое выше их жилого дома. Когда Цзун Янь лежал на платформе и смотрел вверх, здание закрывало ему обзор.

Но прямо сейчас над Цзун Янем, насколько хватало глаз, было только небо.

Одежда, которую он носил, тоже изменилась. Сейчас он носил не школьную форму средней школы Цинъянь, а очень грубые лохмотья.

Его волосы отросли до невероятной длины и сменились с черных на каштановые.

Цзун Янь смутно вспомнил, что он выглядел так после использования карту персонажа Азатота.

Но он не паниковал. Он знал, что он спит.

Во сне ты можешь быть кем угодно. Не говоря уже о Азатоте, можно даже стать Супер Сайяном*.

(*персонаж из аниме Драгон Болл).

Но, возможно, из-за сонливости его охватила лень, а голова была пуста настолько, что он ни о чем не мог думать. Это было одним из интригующих последствий использования карты Азатота.

Он не знал, сколько времени прошло. Заходящее солнце скрылось за горизонтом, последний отблеск дневного света растаял во мраке, и на ночном небе замерцали звезды.

Ну, звезд было мало. Но хотя бы больше, чем обычно.

В своем мире грез Цзун Янь был абсолютным хозяином. И так, в тот самый момент, когда ему пришла в голову эта мысль, небо внезапно усеялось мигающими звездами.

— О чем ты думаешь? — сверху донесся спокойный низкий голос мужчины.

Цзун Янь поднял голову, и длинные седые пряди волос, словно лунный свет, свисали на миллиметр от его лица.

Было немного щекотно.

И страшно.

Подняв голову, увидеть лицо другого человека в такую темную ночь — эффект ужаса удваивался.

И даже то, что лицо другой стороны было очень красивым, не отменило того факта, что Цзун Янь до смерти испугался.

В такой ситуации он должен был закричать и быстро убежать, но низкий интеллект Азатота сделал Цзун Яня глупым, а его реакция замедлилась до бесконечности.

Итак, Цзун Янь очень благородно и холодно взглянул на собеседника и вернул взгляд к небу, всем видом говоря «я* слишком ленив, чтобы заботиться о тебе».

(здесь используется такое «я» (□), с каким обращается к себе император)

Карта Азатота имела труднопостижимый эффект. Он дал Цзун Яню силу быть безразличным ко всему вокруг. Он очень четко знал, что находится в присутствии одного из трех столпов богов, и будь он в обычной ситуации, он отнесся бы к нему так, будто столкнулся с грозным противником. Но сейчас он его спокойно проигнорировал.

Это, в некотором смысле, было проявлением высокомерия, свойственного исключительно Владыке Вселенной.

Кроме того, это был сон Цзун Яня. В его сне, главный он. Повелителю Времени и Пространства придется подвинуться в сторону.

Как только Йог-Сотот подумал, что не получит ответа, другая сторона медленно проговорила:

— Я хочу ударить тебя.

Эти очень короткие слова кристально ясно показали недовольство Цзун Яня.

— Это не невозможно. Если тебе, конечно, удастся эволюционировать из потока сознания в полное сознание Владыки Вселенной, — повелитель Времени и Пространства на мгновение

замолчал. Он немного удивился, но все же сделал уместное предложение.

Воплощение Азатота не было на это способно, но настоящий Азатот мог легко вырвать истинное тело Йог-Сотота из времени и пространства и без слов избить его. И Йог-Сотот, вероятно, не посмеет дать отпор.

Но у злых богов это имело несколько другое значение. Между одним Внешним Богом и другим борьба считалась средством выражения близости. Обычно это происходило только между любовниками. В какой-то степени это было эквивалентно спариванию.

В конце концов, битва между Внешними Богами была настоящей битвой бессмертных. Один удар может разрушить тысячи галактик. Например, Шуб, отвечающий размножению, был одним из трех столпов богов. Прежде чем дать начало новой жизни, он должен был сразиться с другой стороной, поглотить его тело кусочек за кусочком, а затем использовать проглоченную энергию для воспроизводства следующего поколения.

Битва между истинными обличьями двух богов с легкостью могла уничтожить несколько маленьких вселенных. Победитель мог либо заставить проигравшего подчиниться, либо проглотить плоть своего противника. Вечное подчинение и поглощение энергии партнера, слившись воедино — все это очень романтично в глазах богов.

Понятие романтики у людей и злых богов разительно отличалось друг от друга.

То, как они производили потомство, не имело ничего общего с похотью и утолением плотских желаний. Это была чистая внешняя репродукция.

«Почему недавно созданный поток сознания Его Величества так настойчиво хочет сразиться со мной? Он хочет спариться со мной?»

Подумал Йог-Сотот с пустым выражением лица.

Повелитель Времени и Пространства не осознавал, что разозлил другую сторону своими предыдущими закулисными трюками.

Поскольку теперь он рассматривал Цзун Яня как поток сознания Азатота, он не приписывал ему человеческие эмоции. Он интерпретировал его слова с точки зрения Внешнего Бога.

Конечно, когда даже он принимал Цзун Яня за человека, он не затруднялся пониманием человеческих эмоций.

Теперь, когда личность Цзун Яня была раскрыта, Йог-Сотот рассматривал другую сторону в качестве Внешнего Бога. В каком-то смысле Цзун Янь избавился от ярлыка «крошечный муравей», который автоматически дал ему злой бог.

Будет ли Внешний Бог заботиться о жизни и смерти муравьев? Нет.

Так что Йог считал само собой разумеющимся, что Цзун Янь тоже не заботится.

Цзун Янь не знал, что происходит в голове другого. Он холодно рассмеялся, лениво закинул руки за голову и вытянул длинные ноги.

Во сне Цзун Янь не был в состоянии временного безумия. Он вспомнил, как использовал карту Азатота, чтобы повернуть время вспять, прежде чем потерял сознание.

Несмотря на то, что он вернулся в прошлое, Цзун Янь все еще был полон гнева.

И чем больше он думал об этом, тем злее становился.

Может быть, он не мог побить его в реальности, но разве он не мог отыграться на нем во сне? Поскольку этот парень осмелился ворваться в мир его снов, как хозяин сна мог не наказать этого злого бога?

Имея это в виду, он посмотрел на седовласого мужчину, парящего в воздухе. В его глазах вспыхнула враждебность.

Если бы это было реальность, Цзун Янь ни за что бы не осмелился на это. Но это был сон. Во сне даже злому богу пришлось бы плакать и молить о пощаде!

В следующую секунду из пустоты внезапно появились цепи и туго обвили вокруг Повелителя Времени и Пространства. Воздух застыл от тяжелого убийственного намерения.

Йог-Сотот: ...?

На мгновение он был ошеломлен.

Причина была в том, что незадолго до этого разум Йога был заполнен вопросом «почему поток сознания Его Величества хочет соединиться со мной». Он не думал, что другая сторона действительно примет меры.

Этот сон и вправду принадлежал Цзун Яню, но для могущественного Внешнего Бога это был всего лишь мир снов. Если бы он захотел, он мог бы напрямую перехватить контроль у хозяина сна. Эти цепи никак не могли поймать Йога.

Но Повелитель Времени и Пространства был потрясен настолько, что забыл как сопротивляться. Цепи становились все туже и туже, а Цзун Янь расплылся в дикой, безудержной улыбке.

— Отец Бог, что ты делаешь?!

В спешке прибежавший Ньярлатхотеп, увидел эту сцену и очень встревожился.

— Пожалуйста, позволь мне присоединиться!!

Седовласый злой бог наконец отреагировал. Когда он увидел Ньярлу, его лицо мгновенно застыло.

В следующее мгновение в воздухе взорвались миллиарды частиц света, цепи начали рваться звено за звеном, и мир грез рассыпался на куски и рухнул, растворившись в шквале.

Будь то злой бог, без приглашения вошедший в сон другого человека, или владелец мира сна, все они были изгнаны.

Цзун Ян открыл глаза.

Белый потолок, светлая и просторная высококлассная больничная палата, горы вдалеке, каскад небоскребов за панорамными окнами...

И два злых бога, стоящие у больничной койки.

Точнее больше двух. Цзун Ян заметил в комнате третьего злого бога.

К стене напротив прислонился незванный гость.

— Ах, ты наконец вернулся.

Блондин держал в руке сигарету. Его длинные блестящие волосы ниспадали на плечи. Он стоял там в совершенно ленивой позе.

У незваного гостя было длинное, высокое, источающее гормоны тело. Весь он был полон смертельного обаяния.

Самым поразительным было его прекрасное и чарующе-привлекательное лицо.

Это лицо намного превосходило человеческое воображение. Оно выходило за рамки представления о поле, ломая границы мышления.

Цзун Ян узнал его.

В двадцать первом веке мало кто не узнал бы такое чрезвычайно известное лицо.

Суперзвезда, чудо киноиндустрии, трехкратный обладатель «Оскара», многократный победитель в номинации «Самый сексуальный мужчина» и бесспорный король экранов.

— Шуб-Ниггурат.

— Ты уже вернулся. Я думал проверить, сможет ли сон Бога Отца выдержать всех троих.

Шуб-Ниггурат бросил сигару в воздух и дернул галстук на груди. Внезапно он шагнул вперед и наклонился над больничной койкой, поддерживая себя по обе стороны от черноволосого подростка. Посмотрев прямо в темные глаза мальчика, уголки его губ скривились в улыбке.

— Рад познакомиться с вами, мое прекрасное маленькое величество...

Злой бог намерено растягивал слова. Его голос был низким, сексуальным и смертоносным, обнажая фатальную харизму.

— Я Шуб-Ниггурат.

— Твой...почти самый преданный верующий.

«Почти» было неохотно добавлено из-за враждебного взгляда Ньярлатхотепа.

<http://bllate.org/book/15900/1419905>